

На правах рукописи

Борисов Алексей Игоревич

**Синтез мировоззренческого
и научного познания
в современном правопонимании**

09.00.01 Онтология и теория познания

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
философских наук



Киров – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» на кафедре философии и социологии

Научный руководитель доктор философских наук, профессор
Юлов Владимир Фёдорович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Касьян Андрей Афанасьевич
(ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный педагогический
университет»)

кандидат философских наук
Опалева Катерина Петровна
(ГОУ ВПО «Волго-Вятская академия
госслужбы», Кировский филиал)

Ведущая организация ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского»

Защита состоится 27 июня 2009 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 89.

Текст автореферата размещен на официальном сайте ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» <http://www.vshu.kirov.ru>

Автореферат разослан «26» мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Поспелова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000558078

Поспелова Н. И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена беспрецедентным усилением влияния науки и становлением постэкономического общества. Один из современных сдвигов в философии представлен сменой классической теории познания неклассической эпистемологией. Соответствующие изменения лишь называют в юридической науке. При этом общая теория и философия права, по справедливому замечанию И. Л. Честнова, уделяют непозволительно мало внимания эпистемологической проблематике. Так, социологические опросы компетентных респондентов, представленных в различных региональных диссертационных советах, показали, что в фундаментальной юридической науке на уровне диссертационных (в кандидатских – на 80%, а в докторских – более чем на 50%) и монографических исследований свои методологические стратегии авторы сводят лишь к констатации терминов, где отсутствует настоящий рефлексивный анализ.

Общеизвестно, что практика зависит от соответствующей теории. Эта мысль справедлива и для юриспруденции. Так, эффективность правового регулирования общественных отношений во многом зависит от правильного понимания и применения нормативных предписаний. Анализ судебно-арбитражной практики в Приволжском федеральном округе показывает, что примерно 80% (а с учетом ошибок толкования около 100%) допущенных судебных ошибок, связанных с нормами материального права, своей причиной имеют неправильное понимание права. Данная проблемная ситуация в практике во многом обусловлена недостатками юридического образования. Так, в большинстве учебников по отраслевым дисциплинам, где представлена юридическая гносеология, делаются ссылки на общие правила и методы правопонимания, но не предлагаются определенные алгоритмы и конкретные механизмы их применения. Стало быть, здесь может быть знание-что, но определённо отсутствует знание-как. Это означает, что преподавание философии, теории познания и теории права в юридических вузах имеет существенные изъяны, где доминирует описательное информирование и недостаточно представлена современная эпистемология науки. Конечно, это положение не совсем пессимистично, так как на общем фоне можно выделить яркие методологические образцы исследований и пособий, в частности И. Л. Честнова и А. В. Полякова (Петербургская школа правоведения). Наше исследование можно рассматривать в качестве одной из форм развития данного направления, где особое внимание уделено взаимосвязи мировоззрения (философии) и науки.

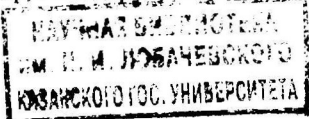
Состояние и степень разработанности темы. Всю литературу по теме исследования можно разделить на три группы. Первая часть научных изысканий анализирует вопросы, связанные с сущностью мировоззрения и представленные понятиями *духовные ценности, ценностные идеалы, вера, сомнение* и т. п. Этими аспектами занимались следующие авторы: М. М. Бахтин, В. С. Библер, Э. Гуссерль, С. С. Гусев, С. В. Девятова, В. Дильтей, О. А. Дон-

ских, А. А. Касьян, А. Н. Кочергин, В. А. Лекторский, А. Ф. Лосев, Л. А. Маркова, А. Е. Наговицин, А. А. Новиков, Т. И. Ойзерман, М. М. Прохоров, Б. Я. Пукшанский, В. М. Шемякинский, В. Ф. Юлов, К. Ясперс. Следует выделить направления, изучающие свойства и функции мировоззрения: антропологическое направление (П. С. Гуревич, А. И. Столетов, Б. Г. Юдин и др.); философско-психологическое направление (У. Джемс, В. Франкл, Э. Фромм, К. Г. Юнг, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, М. К. Мамардашвили и др.); гносеологическое (В. Дильтей, А. А. Касьян, Л. А. Микешина, М. М. Прохоров, В. Ф. Юлов и др.).

Вторая группа исследований характеризует основные признаки научного познания. Сопоставление научной рациональности с другими типами познания анализировали: Т. В. Адорно, А. И. Алёшин, М. Вебер, Е. М. Вечтомов, П. П. Гайденок, А. М. Дорожкин, Дж. Дьюи, И. Т. Касавин, Е. Н. Князева, Л. М. Косарева, С. П. Курдюмов, У. Куайн, В. А. Лекторский, Л. А. Микешина, Р. Мертон, Л. А. Никифоров, М. К. Петров, К. Поппер, В. Н. Порус, В. М. Розин, В. С. Степин, В. П. Филатов, В. М. Шемякинский, В. Ф. Юлов. Важный вклад в рефлексию методологии гуманитарных наук внесли: А. И. Алёшин, М. Алле, К. О. Апель, М. М. Бахтин, В. А. Бачинин, П. Бергер, П. Бурдье, Г. Гадамер, А. А. Ивин, И. И. Кальной, И. Т. Касавин, Н. Луман, Л. А. Маркова, Л. А. Микешина, А. П. Назаретян, О. А. Останина, П. Рикер, М. А. Розов, Р. Рорти, Дж. Р. Серл, З. А. Сокулер, Г. Л. Тульчинский, В. Г. Федотова, Р. Харре, Ю. Хабермас, А. Щоц.

Третья группа исследований представлена анализом вопросов правовой эпистемологии и правопонимания. Эта проблематика в юридической литературе изучается со второй половины XIX века, причем исследования, как правило, проводились юристами. Гносеологические и онтологические представления о праве и правопонимании всегда опирались на те или иные философские идеи. Видными представителями юридического позитивизма являются: В. К. Бабаев, М. И. Байтин, В. М. Баранов, Е. В. Васьковский, А. Я. Вышинский, Д. Д. Гримм, М. Н. Капустин, В. В. Лазарев, Н. И. Палиенко, С. В. Пахман, Н. К. Ранненкамф, А. А. Рождественский, Р. А. Ромашов, А. Ф. Черданцев, Г. Ф. Шершеневич. Неопозитивизм в праве представлен исследованиями таких ученых, как А. Батиффоль, Х. Кельзен, К. Роде, Г. Харт, Р. Ципелиус. Свое продолжение юридический позитивизм и неопозитивизм нашел в неокантианских концепциях права (С. С. Алексеев, К. Кюль, Й. Лоб, А. Оллери, О. Хёффе, Э. Цахер, Р. Штаммлер), социологического позитивизма (Ю. И. Гревцов, Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, Р. Паунд, Е. Эрлих) и реализма (К. Ллевелин, К. Оливекрон, Д. Френк, А. Хегерстрем, О. Холмс). Право с позиций структурализма и логико-лингвистического анализа рассматривали Н. А. Власенко, И. Грязин, Л. Ф. Чертов.

Феноменологическое направление в юриспруденции развивали такие авторы, как Н. Н. Алексеев, П. Бергер, Г. Д. Гурвич, Г. Коинг, К. Коссио, У. Луйкпен, Т. Лукман, В. Майхоффер, М. Мюллер, Л. И. Петражицкий, А. В. Поляков, А. Пфендер, Г. Радбрух, А. Райнах, Э. Фехнер, Ф. Шрайер.



Герменевтические стратегии исследования в юриспруденции представлены в работах Е. Н. Атаршиковой, Э. Бетти, А. Кауфмана, У. Луйжпена, Д. И. Луковской, А. И. Овчинникова, А. К. Соболевой, В. А. Суслова, Л. А. Харитоновой, И. Л. Честнова.

Синергетическое и антропологическое направления в исследовании правовой реальности только намечаются. В настоящий момент разработкой данного направления применительно к юриспруденции занимаются следующие исследователи: А. Б. Венгеров, В. Н. Карташев, Г. В. Мальцев, И. Л. Честнов.

Обобщенный и системный анализ гносеологии права отличает исследования А. Ф. Закомлистова, Д. А. Керимова, В. П. Малахова, А. В. Полякова, Л. И. Спиридонова, В. М. Сырых, И. Л. Честнова.

Отмечая значимость проведенных исследований, следует признать, что научная и практическая потребность в разработке актуальных теоретических и методологических вопросов развития правовой эпистемологии далеко не удовлетворена. Особые пробелы ощущаются в теме правопонимания, где выделяется лишь фундаментальное исследование И. Л. Честнова, сфокусированное главным образом на научных аспектах.

Объектом исследования является взаимосвязь мировоззренческого и научного типов познания во всем многообразии её форм.

Предметом исследования выступает единство философского мировоззрения и гуманитарных наук в области правопонимания.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить специфику синтеза философского мировоззрения и гуманитарных наук в сфере правопонимания.

Исследовательские задачи:

- 1) представить отличительные особенности мировоззренческого познания как особого типа, выявить в нем место и роль философского мышления;
- 2) дать анализ научного исследования как особого типа, выделить специфику гуманитарных наук;
- 3) рассмотреть ведущие философские концепции, актуальные для правового познания и правоприменительной практики, и их оптимальную интеграцию с юридической наукой.

Методологические и теоретические основания работы. В качестве исследовательского подхода были взяты идеи отечественных и зарубежных ученых, развивающих принципы социального познания, что обусловило использование комплекса методов: ценностно-нормативного, сравнительно-исторического, структурно-функционального, метода системного анализа. Методом научного исследования явился теоретический анализ философской, культурологической, юридической, историко-педагогической, психологической литературы, относящейся к исследуемой проблеме. Одной из теоретических стратегий послужила концепция В. Ф. Юлова об основных типах познания (практика, мировоззрение, наука). В трактовке содержания мировоззренческого и научного способов мышления мы руководствовались его же концепцией технологического действия интеллекта.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Аналитически выделены общие и вместе с тем специфические особенности мировоззренческого познания, показано своеобразие философского мышления, способного влиять на научный поиск.

2. Подвергнуты рефлексии типичные черты научного исследования, проведена оценка особенностей научного мышления, включающая характеристики всех его основных актов. Систематизированы отличительные признаки научно-гуманитарной мысли.

3. Проведён оценочный анализ основных философских подходов к правопониманию: а) правового позитивизма и структурализма; б) ведущих концепций в теоретической рефлексии сознания и языка; в) «новой гуманистики» и синергетики в решении юридических задач.

4. Рассмотрены итоговые формы синтеза междисциплинарных научных направлений с юридической наукой: а) антропология права; б) семиотика правовой реальности; в) синергетика права.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мировоззрение представляет собой особый тип познания. Для него характерны следующие существенные признаки: субъективное отношение к миру, многообразие духовных ценностей, культивирование идеалов развития человека, структурное единство духовных чувств, знаний и теорий. Самой развитой формой мировоззрения является философия, действенность которой реализуется особым мышлением с присущим ему плюрализмом решений.

2. Науке как типу познания присущи отличительные ценности: а) познание ради знания; б) идеал объективной истины; в) идеал когнитивной связности; г) союз эмпирии и теории; д) кумуляция старых и новых истин; е) норма логического доказательства. Основная специфика гуманитарных наук сводится к процедуре понимания, которая пронизывает все акты мышления.

3. Современная юридическая наука является полем приложения ряда философских методологических подходов. Исторически первой парадигмой стал позитивизм, который заявил программу перехода от философии права к правовой науке. Ведущей установкой стал эмпиризм, предложивший брать за основу правовых решений факты реальной жизни. В свою очередь, философский структурализм актуализировал тему языка в юридической науке. Он предложил вместо реализма концепцию условности и конвенциональности знаковых систем, что усилило линию субъективизма. Эту стратегию продолжила трансцендентальная и инструментальная герменевтика права своим анализом трактовок юридических текстов и понимания человеческих ситуаций (эмпатия). Феноменология обратила внимание на важную роль юридической практики, которая в виде эмпирического опыта определяет становление правовой теории. Феноменологическая социология представила правопонимание как следствие коммуникативного взаимодействия субъектов права, их институционализации, седиментации и объективации в соответствующей форме.

4. Оригинальные идеи принёс синтез междисциплинарных научных направлений с юридической наукой. Прежде всего, следует отметить вклад эволюционной эпистемологии вкупе с различными формами антропологии, сближение человека с животным миром даёт основание найти у правовых норм некоторые биотические предпосылки. Через антропологию был сформулирован тезис о несоизмеримости разных этнокультурных правовых систем. С позиции семиотики человек выступает творцом права, которое представляет собой объективацию коммуникативного взаимодействия субъектов в правовой сфере. Юридические нормы имеют знаковую природу: они моделируют объекты права и одновременно опосредуют процесс правовой коммуникации. Для синергетики оказалось важным выделение непрерывного неустойчивого состояния правовых систем. Их эволюция происходит в направлении создания относительно устойчивых юридических структур, возникающих в точках бифуркации (селективная функция правовой культуры).

Научная и практическая значимость. Полученные в диссертации результаты имеют теоретическое и методологическое значение для развития теории познания, эпистемологии науки и мировоззрения, социальной философии, юридической философии, теории и социологии права. Основные материалы и выводы могут быть использованы при подготовке лекций по философии, социологии, юридической философии и теории права. Результаты диссертационного исследования способны иметь значение для разработки комплекса исследовательских и учебных программ в области юриспруденции. Выводы, полученные в работе, могут помочь выработке новых подходов к проблемам правового образования, формирования учебных планов и программ, содержательного и структурного совершенствования учебных курсов, создания новых методов обучения.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в публикациях автора. Принципы и методы исследования, выводы и положения данной работы были апробированы на международных, всероссийских, межрегиональных научных конгрессах и научно-практических конференциях в 2006–2009 гг. Результаты исследования докладывались на межрегиональной научно-практической конференции «Власть и общество: современные проблемы и перспективы» (Киров, 2006 г.), VI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики» (Киров, 2007 г.), I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна» (Киров, 2009 г.), а также обсуждались на заседаниях методологического семинара аспирантов и соискателей кафедры философии и социологии ВятГУ.

Автором разработаны и внедрены учебно-методические комплексы по дисциплинам: философия права, общая теория права и государства, история политических и правовых учений, применение норм гражданского права, – которые используются в учебном процессе в Кировском филиале Академии ФСИН России.

Основные положения и результаты исследования отражены в публикациях автора, в том числе в трех публикациях в изданиях, включенных ВАК в «Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук».

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и библиографического списка, содержащего 300 наименований. Объем диссертации 180 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуются состояние и степень её теоретической разработанности, формулируются цель и задачи исследования, указываются его методологические и теоретические основания, представляются основные результаты исследования.

Первая глава «Взаимосвязь мировоззрения и науки» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Мировоззрение и формы философского познания» речь идет о духовно-ценностном типе познания. Хотя понятие «мировоззрение» является традиционным, его смысловое содержание далеко от ясности и определённости. Широко распространённое определение «система взглядов» не выдерживает критики даже с позиции здравого смысла. Самым оптимальным выходом из этого положения является стратегия выделения существенных признаков мировоззрения путем сравнения его с практическим познанием и наукой.

Предметы практики и науки близки друг к другу определённой объектностью. Всем видам опыта (быт, производство и т. д.) присуща узкая нацеленность на отдельные вещи. Круг охвата науки намного шире, но и здесь реальность делится на отдельные предметы научных дисциплин. При этом ученые стремятся устранить всё субъективное из результатов своего познания. Мировоззрение своеобразно тем, что оно осваивает отношение «человек – мир». Некоторые его виды делают упор на мир, другие ставят в центр человека, но все они выражают объединяющую связь человека и реальности. Поэтому мировоззрение всегда несёт неустранимую субъективность. Другим признаком, объединяющим практику и науку, является недуховность. Если в первом господствуют утилитарные потребности, то наука производит знания как идеальные образования разума. Содержание мировоззрения составляют духовные ценности, их история началась с образа души, и его развитие породило мораль, мифы и другие формы. Они задают проекты возможной человечности, то есть культурные идеалы как высокие образцы развития человека.

Структуру мировоззрения образуют духовные чувства, жизненная мудрость и ценностные теории. Первые являются переживаниями духов-

ных ценностей типа стыда, жалости, благоговения (В. С. Соловьев). Жизненная мудрость представлена обыденным духовным опытом в виде понятий, которые присущи любому представителю этноса. Ценностная теория есть высший уровень мировоззрения, и он выражен теологией, этикой и философией.

Мировоззрению присуще познание в формах опыта и мышления. Духовный опыт реализуется в виде специфических ощущений и восприятий, где духовные ценности переживаются. Таковы типичные состояния верующего, ценителя искусства и т. п. Мышление отличается большей сложностью, так как развёртывается в несколько актов: 1) конституирование проблемного предмета; 2) нахождение должного метода; 3) применение метода к проблеме; 4) установление соответствия полученного результата нормам. Мировоззренческие проблемы несут особое духовное содержание, все они являются отклонениями от некоторых идеалов. В состав метода могут входить ценностные теории, особые правила и операции. Применение метода к проблеме даёт несколько альтернативных ответов, и такой плюрализм отличает мировоззренческое мышление от научного.

Самую высокую сложность демонстрирует философское мышление. Как раз древние философы начали первыми осваивать культуру рефлексивной духовной мысли. Они установили приоритет разумного сомнения над верой и подвергли основные духовные традиции критике. В ходе её сформировался поиск всеобщих и универсальных принципов. Осмысление предельных оснований культуры привело к становлению основных решений, которые в дальнейшем стали функционировать в качестве фундаментальных идей. Плюрализм ведущих ответов обернулся плюрализмом философских подходов. Примером может служить рефлексия ведущей онтологической проблемы «что есть сущность всего?»: а) религиозная философия, б) объективный и субъективный идеализм, в) материализм. На этом пути возникли не только содержательные идеи, но и специфические правила («бритва Оккама», «призма Менгера» и т. п.), а также операциональные приемы (философская метафора, диалектическое отрицание и т. д.).

Генетически первым актом мировоззренческого познания выступает интуиция. На то, что речь идет о какой-то форме проявления эмпирического опыта, указывают латинские истоки данного слова. Как раз эмпирическая интуиция стала необходимой предпосылкой философской метафоры, прежде чем обобщать образы, нужно их сначала воспринять. Уже средневековые мыслители противопоставили интуицию логике на том основании, что если логика выстраивает цепочку доводов и тем самым доказывает конечный вывод, то интуиция постигает одномоментным актом. Такое различие дискурсивного мышления и интуиции поддержал И. Кант, и оно стало традиционным.

Современные философы характеризуют интуицию как особую разновидность перцептивного акта. К примеру, интуиция как вид восприятия представлена у прагматиста Ч. Пирса, который выделяет все типичные при-

знаки восприятия. В интуиции нет логического выведения результата из посылок. Также отсутствует временная пауза между конституированием предмета и применением метода. Наличествует быстро протекающий акт приложения метода к предмету и преобразования его в результат. Сам процесс интуиции очень трудно передаётся словами. Особым актом интуитивного опыта является эмпатия как способность человеческого индивида представлять других людей. Любого индивида отделяет от остального мира, включая других людей, комплексная дистанция. Его относительная отделённость, закрытость и изоляция от внешней среды зависят от многих факторов. Весь этот комплекс различий, определяющий отчуждение между людьми, можно обозначить как «бытийственная дистанция», а эмпатию – как способ её преодоления. Это происходит в виде последовательности актов: вчувствование в другого, понимание другого, сопереживание другому. Вчувствование важно не само по себе, а тем, что оно подготавливает акт понимания. Если чувственные контакты производит ментальная психика, то понимание другого есть дело интеллекта. Активность интеллекта проявляется на двух уровнях: эмпирический опыт и логическое мышление. Однако в эмпатии отсутствует логический разум и действует интуиция как форма эмпирического опыта. Выдвигая данный тезис, мы согласны с А. Бергсоном, Э. Гуссерлем, Н. О. Лосским и считаем, что интуиция есть особый вид восприятия, где на увиденные и услышанные впечатления интеллект быстро накладывает определённое рациональное значение. Вчувствование и вживание протекают по усложненной схеме. В ментальном пространстве конструируются два знака: «здесь» и «там». В первом аккумулируется образ о себе, что дает образ Я. Затем следует перенос на место знака «там», и эта проекция создаёт образ Другого, выражающего понимание со стороны Я. Возможно и обратное движение, где созданный образ Другого из «там» переносится в «здесь», что дает прием «интроекция». Жизненный опыт показывает, что если мы к кому-то проявляем позитивное участие, то легко впадаем в эмоциональное состояние, в котором находится другой. Точно так же обстоит дело и с отрицательными эмоциями. Всё это говорит о том, что эмпатия предполагает эмоциональное, ценностное переживание и включает его в себя. Итак, эмпатия является преимущественной формой мировоззренческого опыта, здесь активную роль играют духовные ценности, и она существенно может дополняться философскими идеями.

Во втором параграфе «Научное познание и нормативные структуры гуманитарных дисциплин» речь идет о сущности науки. Как основоположник концепции «методологического анархизма» П. Фейерабенд полагал, что нет разницы между здравым смыслом, мифом и наукой, границы между ними проведены искусственно. С такой позицией согласиться нельзя: любое единство предполагает различие. В особый тип познания науку конституирует система ценностных идеалов и норм. В науке действует целевая направленность на производство знаний как таковых, познание ради знаний и делает её «чистым» и фундаментальным исследованием (практическое по-

знание ради жизненных благ, мировоззрение ради духовных идеалов). Ученые ориентируются на познание только естественной реальности в виде природы, человека и социума (сверхъестественное признают многие формы мировоззрения). Исторически в науке сложился идеал объективности, рекомендуемый ученому устранять из знаний-результатов все субъективные образования (практика и мировоззрение основаны на субъективности). Вот почему ученые по одной проблеме стремятся получить один ответ. Решение любой научно-теоретической проблемы предстает в виде множества предположений. Но ученые не успокаиваются на этом и занимаются их выбраковкой. В науке вопрос задается по поводу объекта в связи с его определенным аспектом, и наличие нескольких пробных ответов оставляет научное сообщество в информационной неопределенности. Выход из неё определяется эмпирическими и концептуальными средствами. Норма эмпирической проверки радикально отличает науку от мировоззрения. Если фундаментальная проблема получает несколько теоретических гипотез, то в их выбраковке и сведении к одной теории решающая роль принадлежит чувственным фактам. Такого выхода, допустим, у философии нет. Правда, следует признать ее косвенную связь с фактической реальностью, имея в виду участие философии в научных исследованиях и практических разработках в качестве методологии.

Важную роль играют нормы, которым должны удовлетворять результаты научного познания. На первом месте здесь стоит норма рациональной связности. Она выполняет двоякую функцию: а) находить содержание познавательных проблем; б) формировать истинные знания в ходе решения проблем. Свою ценность выявляет норма единства научного знания. Когда в рамках научной дисциплины накапливается некоторое многообразие форм теоретического знания, начинается этап чисто теоретических проблем. Они возникают в русле нормы «внутреннего совершенства» теории. Этот идеал конкретизирует универсальную норму связности, ибо он направляет усилия исследователя на устранение концептуальных пробелов и разрывов. Такая деятельность составляет важный аспект работы теоретика. Следует также выделить идеал единства старого и нового знания. Хотя всякое новое вырастает на почве старого, их связь в науке проблематична. Когда делается научное открытие, чаще всего оно вызывает когнитивные противоречия. Некоторой конкретизацией нормы связи старого и нового является принцип соответствия, выдвинутый Н. Бором. Он признаёт, что старая теория должна стать частным следствием новой теории. Речь здесь идёт только о единстве теорий внутри теоретического уровня. Кроме того, обязательна динамика обобщения и перехода от частной системы к фундаментальной теории. Самой традиционной является норма не противоречивости. Все противоречия в классической науке расценивались в виде ошибочных результатов и отбрасывались как ненужные заблуждения. Ситуация стала меняться только во второй половине XIX века. Неклассическая наука внесла коррективы в традиционную нормативность – некоторые виды противоречий стали считаться

проблемными индикаторами последующего развития науки. Следует согласиться с английским экономистом Л. Роббинсом в том, что в достаточно зрелой науке выбор проблем не может более определяться наивной рефлексией, он диктуется системой разных идеалов.

Особое место занимает идеал связи фактов, эмпирических законов и теории. Даже в одной дисциплинарной области факты сами по себе разрозненны, такую ситуацию учёные считают проблемной и ищут соответствующий эмпирический закон; только он может связать факты в единство. Согласование фактов с верхними слоями знания может сопровождаться изменениями последних. Динамика преобразований способна достигать фундаментальных теорий, она может не затрагивать законы теории, вызывая изменения модельных схем. Свой специфический смысл несет норма простоты. Её первые версии характерны для древней науки в виде неявных форм, не имеющих четких формулировок. О скрытой форме существования идеала простоты можно говорить в связи с платоновской идеей теоретизации науки. Если древним астрономом она предписывала спасти явления неба математической схемой, то это означало сведение пестрого многообразия фактов к немногим общим утверждениям. Всякая теория упрощает эмпирию. В средневековой науке норма простоты приобрела явный вид в форме «бритвы Оккама» и в дальнейшем стала формулироваться как принцип экономии мысли. В эмпирических науках опытная проверка теории дополняется концептуальной критикой. Если первое обращает внимание на «вертикальное» измерение теории, где значимы ее связь с фактами науки и отношение к объекту, то критика ориентирована на горизонтальное измерение, включающее сугубо внутренние качества. Как раз имея в виду второй план, А. Эйнштейн указывал на особую существенность «внутреннего совершенства» теории. В этой оценке ученые пользуются теми же нормами и идеалами, которые обеспечивали проблематизацию, но опять же меняется их функция. Здесь важно определить, соответствует ли данная теория неким стандартам готового и завершенного теоретического результата.

В третьем параграфе **«Основные влияния философского мировоззрения на научное мышление»** проведён анализ роли философского разума в науке. Каждый тип познания утверждает свои ценностные образы. Они определяют основные стратегические цели и ведущие средства. Если исходные ценности практического и духовного познания сформировались стихийно, то все идеалы науки рождались в ходе сознательной деятельности. Решающую роль здесь сыграла философия.

Познавательное наследство, которое первые философы получили от прошлого, было чрезвычайно неоднородным. Оно включало как истинные образы, так и заблуждения. Заслуга греческих философов состояла в том, что бессознательную норму субъективности знаний они признали несостоятельной. В противовес ей они выдвинули новый идеал – соответствие природе («физису»). Идеал соответствия знаний природе в дальнейшем был углублен и расширен. Природа была переосмыслена как вся объективная реальность,

включающая собственно природу и социальную действительность (человек – культура – общество). Соответственно и идеал науки стал пониматься как требование устранять из знаний все субъективное и получать в них объективное содержание (научная истина несет объективное значение).

Одно из великих достижений древних греков – открытие доказательства как способа организации знаний. Речь идет о такой структуре, где из ряда общих и истинных тезисов выводится положение, являющееся предметом доказательства. Данное дедуктивное рассуждение обосновывает оценку последнего как истинного. Можно построить и обратное рассуждение, доказывающее ложность принятой предпосылки. Как раз это продемонстрировал элеат Зенон (V в. до н. э.). Ему надо было опровергнуть идеи Гераклита и других философов, признававших структурность и изменчивость сущности. Эти идеи Зенон сделал исходными предпосылками своих задач-апорий («Ахилл и черепаха», «Стрела» и т. д.) и показал, что их логические следствия включают регресс в бесконечность и противоречия. Такие выводы абсурдны, нарушают правила логики, и, следовательно, их предпосылки ложны.

Натурфилософия стала первым образцом союза философии и науки. Первый прообраз ученого дали философы в виде натурфилософа. Он представлял собой мыслителя, который занимался самыми общими вопросами природы и решал их умозрительно. В качестве исходного положения брались представления хозяйственного, политического или культурного опыта и распространялись на всю природу и ее значимые элементы. Такие сверхобобщения и экстраполяции делались весьма свободно, и здесь можно говорить о производстве спекулятивных догадок. Большинство догадок не выходило за рамки наивных метафор, и позднее они никак не повлияли на развитие науки. Некоторые вымыслы имели спекулятивно-теоретический потенциал, но отсутствие экспериментальной практики отодвигало его реализацию в будущее. При всех недостатках греческая натурфилософия в целом имела позитивный характер. Ряд догадок – атомы/непрерывность, пустота/материальная среда, «все содержится во всем» и т. п. – вошел в идейные фонды научного мировоззрения и оказал существенное влияние на развитие теоретического уровня науки.

Философия выводит ученого на фундаментальные проблемы науки. Данную роль можно проследить на истории лингвистики. Античное языкознание развивалось в лоне философии. Школа софистов поставила вопрос: «чему соответствует язык: природным вещам или социальным установлениям?» Обсуждение данной методологической проблемы существенно повысило теоретический уровень исследований языка. Также под влиянием философских идей была создана первая классификация частей речи Аристотелем, и даны определения имени и глагола. Школа стоиков ввела понятие падежа. В дальнейшем основные понятия грамматики сформировались в Александрийской школе. Древнеримские ученые занимались приспособлением греческих схем к латыни. В итоге сложились грамматика Доната и Присциана.

Философия придаёт науке стиль критического мышления. У своих истоков история была далеко нестрогой, сочетая объективные данные с домыслами и слухами. Первые доксографы об этом стали догадываться, и все же они стремились сохранять в памяти народа все услышанное. Так, в своей книге «История греко-персидских войн» Геродот заметил, что, хотя он многому не верит, он обязан передать то, что ему говорят. Эту линию в дальнейшем вели средневековые европейские хронисты, не только записывая увиденное, но и собирая всевозможные рассказы и слухи. Такая особенность дала основание ряду философов Нового времени считать историю не наукой. Важный вклад в становление научной историографии внес француз П. Бейль. Он предпринял широкое наступление на мнимый авторитет традиции. Любые свидетельства прошлого сочетают в себе малые крупинки правды и множество ошибок. Историк как ученый обязан руководствоваться постоянной установкой: выявлять точные исторические факты путем нахождения и устранения заблуждений. Основой метода исторической акрибии должна быть непрерывная критика любых материалов (документов, записей, устных рассказов). Данный прием вошёл в арсенал исторической науки.

Научное творчество все более усложняется и нуждается в неординарных философских идеях. Влияние философии на науку уже не сводится к предложению отдельных идей, как это было в прошлом, речь идет о регулярной системной детерминации. Философские категории стали ядром предпосылочного знания, откуда ученые берут исходные понятия для своих теоретических построений. Такое заимствование давно стало привычным, и философы оцениваются как необходимый оценочный концептуальный фон науки. К примеру, психология XVIII–XIX веков была заражена «атомизмом» – психические единицы считались первичными, комплексы (ассоциаций) – вторичными. Этот предвзгляд подвергли сомнению немецкие психологи. М. Вертгеймер предложил использовать идею гештальта как целостной структуры, исходя из философского учения Аристотеля о том, что целое больше суммы своих частей. Это помогло Э. Рубину открыть феномен фигуры и фона и сделать главным содержанием психики системные структуры.

Итак, положительное влияние философии на науку сводится к совокупности значимых функций: а) обсуждение фундаментальных проблем (онтологических и гносеологических); б) предложение перспективных и парадигмальных идей; в) рефлексия неявных научных методов; г) установление концептуальных связей между новыми фундаментальными выводами и научными картинами.

Во второй главе «Современное правопонимание в контексте научно-мировоззренческого мышления» общие принципы влияния философии на науку конкретизированы применительно к юридической науке. Здесь важно выделить те философские направления, которые являются не только типичными, но и перспективными для современного правопонимания.

В первом параграфе «Основные идеи правового позитивизма» рассматривается самая традиционная для юриспруденции форма философского анализа. Позитивизм в методологии права стал наиболее радикальной версией сциентизма. Здесь проводится резкое противопоставление науки и ненаучных форм восприятия мира, основанное на принципе верификации. Его главным недостатком стало игнорирование зависимости результата исследования от избираемых средств и методов. Оказалось, что научные факты, с одной стороны, всегда частично подтверждают научную теорию, а с другой стороны, сами зависят от теоретической интерпретации. Своеобразной реакцией на данную взаимозависимость стала теория «чистого права» Г. Кельзена. Он предложил связывать различные правовые нормы исключительно нормой логической непротиворечивости, при этом правовой опыт оказался лишь следствием законодательной логики.

Другим вариантом преодоления методологических изъянов позитивизма выступил структурализм. Его сутью стал поиск инвариантной универсальной структуры, которая способна проявляться во внешних признаках объекта. При этом она действует как формообразующий механизм, порождающий внешний символический уровень объекта. В данном случае нельзя не обнаружить сходство структурализма и неопозитивизма, представленного догмой права, так как обе ориентированы на правовой текст как главный объект анализа. Текст здесь понимается как связанная и полная последовательность знаков, в ходе чего происходит обособление языка в относительно автономную систему. Позднее в структурализме текст уже стал пониматься несколько шире: как культурный код, в соответствии с которым организуется знаковое многообразие культуры. Как полагал Ф. де Соссюр, существенна лишь установка на референцию любой знаковой системы и его включение в систему отношений с другими элементами. Из связи означаемого и означающего вытекает смысл и значение текста (через анализ смысла и значение знака), рассматриваемые исключительно формально: отношение знака и означаемого является значением знака, а отношение знака и объема понятия, включающего совокупность означаемых, отнесенных к одному классу, выступает смыслом знака.

Главной проблемой, с которой столкнулся структурализм, является условный характер знаков. Если означающее условно, то его связь с означаемым тоже произвольна. Отсюда существование универсальной и замкнутой структуры, репрезентируемой в «план выражения», становится неопределённым. Письменная фиксация права создает возможность расхождения действительного права и его официальной формы. Это же свидетельствует о невозможности однозначной интерпретации знака, на что указывают полисемия знаков и открытость текстов. Следует отметить, что семантическая концепция текста, его смысла и значения в праве должна быть дополнена прагматическим аспектом, связанным с контекстуальностью. По мнению У. Куайна, смысл языкового выражения нельзя рассматривать вне определённой аналитической гипотезы, как и истинность положений научной теории

вне самой теории, определённой в качестве концептуальной системы. В этом состоит суть его теории онтологической относительности. Всё вышесказанное свидетельствует о явной недостаточности структуралистской методологической программы и претензиях аналитической юриспруденции, сформированной на её основе.

Недостатки структурализма попытался преодолеть постструктурализм как одна из форм постмодернизма. Его представители подвергли деконструкции идею упорядочивающего и управляющего центра как ядра логоцентризма. Была отвергнута основная сосюрровская структура текста: означаемое — означающее. Вместо этого появились новые темы, такие, как диалогическая природа текста (М. М. Бахтин, И. Л. Честнов), многозначность коммуникации (К. Апель, А. В. Поляков), симуляция и симулякры (Ж. Бодрийяр). Диалогичность текста состоит во взаимообусловленности автора и получателя текста, связанных культурным контекстом. Тем самым текст предстаёт как переплетение различных кодов и дискурсов, приобретая диахронную глубину, недоступную структуралистскому анализу, выступая памятью кодов культуры. Такая динамика оборачивается принципиально открытым, безграничным и постоянно обновляемым пространством, так как допускает добавление новых элементов и переструктурирование старых. Всё это предполагает вариативность и множественность интерпретаций текста, что имеет прямое отношение к анализу права, понимаемого как текст. Особую важность для философа и теоретика права представляет задача выявления заимствований чужой правовой культуры и её творческое преломление в правовой культуре реципиента.

Во втором параграфе **«Понимание правовых текстов в теоретической рефлексии сознания и языка»** дан анализ активности в отношении правового дискурса в контексте специфического языка. Как таковые правовые тексты существуют в виде объективных единиц культуры или как «объективное знание» (К. Поппер). Но когда речь идет об их понимании, то устанавливается сложное и многомерное отношение сознания того или иного субъекта правовой реальности, в рамках которого и осуществляются акты познания. Вот почему правомерно объединить в одном месте такие направления, как герменевтика и семиотика. Все, что их объединяет, это формы активности сознания, где предметом выступает текст как любая знаковая система.

Правовая герменевтика получила свое развитие в двух научно-философских формах: «трансцендентальной» и «имманентной» (И. Л. Честнов). Если первую можно назвать метафизической, где представлены онтологические, гносеологические и аксиологические рассуждения, то вторая сводится к чисто инструментальным функциям метода. В рамках трансцендентальной герменевтики П. Рикер осмыслил проблему субъекта права. Право появляется там, где есть возможность как равноправия, так и причинения вреда в отношениях Я и другие. Человек становится представителем безличных прав и обязанностей, не зависящих от биографических особенностей. Отсюда спра-

ведливость понимается не как моральная категория, а как структура системы распределения и судебных процедур, а также как продукт группового соглашения.

К представителям трансцендентальной герменевтики можно отнести и немецкого теоретика права А. Кауфмана. Опираясь на идеи М. Хайдеггера и Г. Г. Гадамера, он рассматривает право как духовный продукт эпохи и результат существующего социального порядка. Вживание в ситуацию, ее схватывание на основе эмпатии приводит к субъективизму, так как ситуация и норма права толкуются конкретным человеком. А. Кауфман пытается преодолеть это затруднение через призму герменевтического круга. Судебный же произвол и радикальный релятивизм тут преодолеваются благодаря трансцендентальному акту понимания.

Имманентную герменевтику права хорошо представил итальянский философ и юрист Э. Бетти. Для него она сводится к методике толкования текстов, не связанной с метафизическими проблемами. Задача интерпретации состоит в объективации духа, близкой процессу интериоризации, когда внешние формы выступают в некотором смысле посланием, которое надлежит расшифровать. Смысл не вносится в текст, а выносится из него. Для этого Э. Бетти формулирует герменевтические каноны для юриспруденции: 1) требование соответствия герменевтической реконструкции точке зрения автора; 2) принцип герменевтического круга; 3) канон актуальности понимания утверждает бессмысленность попыток полного устранения субъективного фактора; 4) канон смысловой адекватности понимания или смыслового соответствия. В отличие от третьего канона он направлен уже на интерпретатора и требует соотнесения собственной жизненной позиции с импульсом, исходящим от объекта. Каноны ценны для юридической техники, но они нуждаются в разработке конкретных способов интерпретации правовых текстов, для этого необходима теория «среднего уровня» в рамках общей теории права.

Такой метод как раз и предлагает И. Л. Честнов на основе диалогической методологии М. М. Бахтина. Он связывает точность в гуманитарных науках не с абстрактным научным объективизмом, а с приемом «вживания» (эмпатии). В связи с этим он выделяет три этапа развития диалогического понимания. Сначала анализируется текст с позиции современности, далее выявляются заложенные в тексте потенции, т. е. стремление к «предвосхищению будущего контекста». В этом схеме заключается квинтэссенция диалогической природы юридического толкования, включающего взаимообусловленность четырех аспектов: толкование с позиций автора, контекста автора, с позиции интерпретатора и контекста интерпретатора. При этом приоритет должен включать фактическое развитие смысла текста при переходе от одного исторического этапа к другому, от одной культуры к другой. Кроме того, любое исследование предполагает рефлекссию над контекстом интерпретатора. Данная стратегия весьма интересна и перспективна для дальнейшего развития.

Заслуживают внимания идеи семиотической методологии. Юриди-ко-семиотическая методология представляет право как процесс непрерывного воспроизводства правовых коммуникаций. Юридические нормы, образующие систему права, имеют знаковую природу: они моделируют объекты правовой действительности и одновременно опосредуют процесс правовой коммуникации, задавая те условия, в соответствии с которыми осуществляется дискурс. Для него весьма важное значение имеет семиотический метод сопоставления, где комплекс знаков отсылает к исходному означаемому. Семиотическая методология позволяет углубить важные аспекты понимания правовых текстов в их универсальной знаковости.

В третьем параграфе «Союз новой гуманистики и синергетики в решении юридических задач» рассмотрен комплекс научных стратегий, изучающих человека и отражающих специфику правового познания, обозначенный условным термином «новая гуманистика». Её суть определяют антропология и феноменология. Антропология, в свою очередь, делится на биологическую (А. Гелен) и эволюционную эпистемологию (К. Лоренц и др.). Как полагал А. Гелен, биологическая незащищенность человека обусловила появление социальных институтов, включая право. Принципиально важна роль социальных (правовых) институтов применительно к распределению прав и обязанностей. Именно институты опосредуют их распределение и тем самым обеспечивают стабильность социума, гарантируя определенную степень безопасности индивида, следовательно, его правовой статус.

Таким образом, социальные (и правовые) институты обусловлены биологически, хотя к этому уровню бытия человека они не сводятся: это решение биологической проблемы адаптации несовершенного существа на более высоком уровне (или другими средствами). Однако здесь необходимо учитывать, что переход от такого трансцендентального уровня к конкретному (т.е. воплощение его в социальных, правовых институтах) до сих пор не получил надлежащего освещения в философской литературе. Сам этот переход не происходит автоматически. В любом случае между философским уровнем, описывающим трансцендентальное основание правовых институтов, и эмпирическим уровнем-описанием их функционирования должны быть промежуточные звенья, то есть теории «среднего уровня», которые относятся к социологии права, а не к философской антропологии права.

Этнография основное внимание уделяет изучению особенного в культурном многообразии мира. При этом методы исследования различных культур во многом сближаются с методологией феноменологии и герменевтики. Думается, что синтез этих направлений здесь не только возможен, но и весьма плодотворен. Справедливым представляется в связи с этим утверждение Л. А. Харитоновой о том, что антропологические исследования права должны проводиться с ориентацией прежде всего на достижения современной феноменологической социологии. Они позволят показать механизмы выработки юридически значимых образцов поведения и их воспроизводства населением. Но этот подход (этнографический, синтезированный с социологической

феноменологией и герменевтикой права) страдает определёнными недостатками, отнюдь не все признанное населением является правом, точно так же, как широко применяемый обычай не всегда является правовым или не любое устойчиво воспроизводимое населением представление о правовой реальности может быть названо правосознанием в понятийном смысле.

Феноменологические теории права развиваются в двух направлениях: трансцендентальном и социологическом (И. Л. Честнов, А. В. Поляков). Главное значение философской феноменологии права проявляется в поиске трансцендентального основания права, не просто того общего, что есть у всех правовых явлений, а их универсального генетического принципа, порождающего все возможные единичные проявления права. При этом право сводится к представлению о бытии права, которое в феноменологической философии всегда имеет идеальную форму феномена-переживания. Объективность правопонимания осуществляется посредством интенциональности, обеспечиваемой методом феноменологической редукции. При этом право сводится к правосознанию, которое есть осознание правовой действительности. Один из наиболее последовательных представителей данного направления А. В. Поляков раскрывает правосознание через его структуру, она сводится к правовой онтологии, правовой аксиологии и правовой праксиологии. Первая полностью выражает суть познания, включая теоретический уровень (право вообще и право в конкретном обществе) и эмпирический уровень (всё многообразие правовых норм). Получается так, что познание отождествляется с наукой, и только с ней. Аксиология сводится к правовой идеологии и правовой психологии, а правовая идеология ограничивается теориями духовных ценностей (практическая философия права).

Трансцендентальное начало конкретизируется через раскрытие имманентных смыслов в праве. Важные аспекты этого процесса раскрывает социологическая феноменология права. Она показывает, что право и все правовые институты характеризуются двойственностью: а) они суть результат действия человека, его институционализации, седиментации и объективации в соответствующей форме (в результате чего формируется представление о праве как о независимой от индивидов реальности); б) эти формы функционируют уже не в порождающих, а воспроизводящих действиях людей, благодаря чему осуществляется их легитимация и трансляция последующим поколениям. Все это осознается как на индивидуальном, так и групповом и общественном уровнях правосознания.

В правовой практике феноменология находит свое явное выражение в расследовании гомицидальных преступлений (совершенных с особой жестокостью под влиянием бессознательного). При квалификации преступления (как гомицидального) ключевое значение имеет определение направления сознания виновного лица (правовой интенциональности) и его отношения к совершаемому преступлению. Его распознавание в рамках криминалистики происходит посредством приемов архитепической феноменологии. Их суть сводится к операциям анализа и редуцирования механизма причинения вреда, а также установления его соответствия искомому архетипу.

Итак, феноменологические стратегии имеют ряд несомненных достоинств, концентрирующихся на понимании и объяснении правового опыта, их проблематичность связана с представлением форм правового мышления. Это означает, что феноменология требует дополнения со стороны других подходов.

Как современное и актуальное междисциплинарное направление синергетика не может не оказывать воздействие на методологию и онтологию юриспруденции. Её ключевой идеей является признание первостепенной роли отбора в процессе развития, включающего: 1) определенный тезаурус; 2) детектор; 3) селектор. Такой отбор применительно к юриспруденции представляет собой принципиально важный раздел теории права – источник права. Последний характеризует механизм отбора из нескольких юридически значимых инноваций какой-то одной наиболее значимой. Синергетический подход позволяет уточнить многие важные положения этого процесса. Открытая система находится в состоянии становления и непрерывно эволюционирует по нелинейным законам хаоса и бифуркации. Это перманентное становление есть сложная (отличающаяся от классических версий детерминизма) связь прошлого, настоящего и будущего. Речь идет о парадоксальном соединении детерминации настоящего как с прошлым, так и будущим. Стремление системы реализовать свои потенциальные состояния означает совпадение причины и цели. Здесь желаемое и предвосхищаемое будущее участвует в формировании настоящего.

Для конкретизации синергетики применительно к праву важно учесть идеи чилийской школы теории познания. Наиболее последовательно идеи биологической теории познания (У. Матурана и др.) применительно к социуму, государству и праву изложил немецкий социолог Н. Луман. Он неоднократно заявлял о том, что общество есть аутопозитическая, самонаблюдающая система. Метанаблюдение со стороны исследователя ограничено в своих возможностях. Ни один такой акт не в состоянии полностью постичь полноту и сложность системы. Возможно множество наблюдений, но каждое из них будет фрагментарным. Вся трудность в том, что общество не наблюдается извне, подобно природному объекту. Общество есть коммуникация, которая в состоянии лишь производить некоторую информацию, где право существует как «продолжение коммуникации другими средствами» (Н. Луман). Задача права состоит в редуцировании до минимума сложного и перенасыщенного возможностями мира через разрешение конфликтов. И все же следует признать, что пока ни в рамках теории аутопозитизма, ни в синергетике новый тип правопонимания окончательно еще не сложился.

В отечественной юридической литературе попытку применить методологию синергетики к праву предпринял А. Б. Венгеров (1986 г.). Он обратил внимание на единство самоорганизующихся процессов в системах различной природы: биологической, социально-политической, экономической, юридической и т. п. Автор указал на перспективность разработки перехода от микросистем через промежуточные средние состояния (мезауровень) к макроструктурам. Эти методологические идеи позволяют лучше понять различные

процессы самоуправления и управления в государственно-правовой сфере, особенно при развитии демократических начал в местном самоуправлении, в структуре исполнительной власти.

Перспективные стратегии применения синергетической методологии к праву таковы: 1) синергетический подход формирует новое представление о праве как о неустойчивой, находящейся в постоянном становлении подсистеме, выполняющей определенную служебную роль в обществе. Здесь акцентируется внимание на перманентной динамике права через наложение внутренних и внешних противодействующих и кооперирующих сил; 2) синергетика раскрывает смысл генеральной функции права, показывая действие структур по нормативному регулированию; 3) чрезвычайно актуальной для современного правопонимания является проблема селективной функции правовой культуры, благодаря которой осуществляется эволюция права. Как именно происходит отбор, кто его осуществляет, возможен ли прогноз его результата – эти и другие вопросы могут быть прояснены с помощью синергетики.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшего поиска.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Борисов, А. И. Синтез мировоззрения и науки в современной правовой деятельности [Текст] / А. И. Борисов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 1(4). – С. 54–57.

2. Борисов, А. И. Инструментальные аспекты методологии изучения природы агрессии [Текст] / А. И. Борисов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 1(4). – С. 38–40.

3. Борисов, А. И. Гносеологические проблемы цивилистической герменевтики [Текст] / А. И. Борисов // Вестник Нижегородского государственного университета Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – Н. Новгород, 2009. – № 4 (в печати).

Статьи в сборниках научных трудов и доклады на научно-практических и научно-теоретических конференциях:

4. Борисов, А. И. Предпосылки жестокого (агрессивного) поведения [Текст] / А. И. Борисов // Власть и общество, современные проблемы и перспективы. – 2006. – С. 176–184.

5. Борисов, А. И. Роль бессознательного при совершении гомицидальных убийств [Текст] / А. И. Борисов // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. тр. (по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф., сост. 26 окт. 2007 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред.

И. М. Машаров. — Киров: Филиал НОУ ВПО / СПБивЭСЭП в г. Кирове, 2007. — С. 165–170.

6. Борисов, А. И. Проблемы, связанные с изменением вменяемости в период отбывания наказания у лиц, совершивших особо тяжкие преступления [Текст] / А. И. Борисов // Теория и практика исполнения уголовных наказаний: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Киров, 2007. — С. 15–19.

7. Борисов, А. И. Структура правосознания и основные виды его ответственности [Текст] / А. И. Борисов // Подготовка кадров для уголовно-исполнительной системы: проблемы и пути решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Киров, 2008. — С. 47–52.

8. Борисов, А. И. Гносеологические проблемы цивилистической герменевтики и способы их преодоления в рамках образовательного процесса [Текст] / А. И. Борисов // Подготовка кадров для уголовно-исполнительной системы: проблемы и пути решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Киров, 2008. — С. 148–156.

9. Борисов, А. И. Эмпатия как метод познания в уголовном процессе [Текст] / А. И. Борисов // Право на защиту прав и свобод человека и гражданина (к 15-летию Конституции РФ и 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 3. — М., 2008. — С. 247–249.

10. Борисов, А. И. Роль рефлексивных процедур в научно-философской методологии права [Текст] / А. И. Борисов // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. — Киров, 2009. — С. 37–42.

11. Борисов, А. И. Стратегии «новой гуманистики» в юриспруденции [Текст] / А. И. Борисов // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. — Киров, 2009. — С. 114–118.

12. Борисов, А. И. Методологические возможности синергетики для нового понимания права [Текст] / А. И. Борисов // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Владимир, 2009. — С. 64–69.

13. Борисов, А. И. Интеллект и разум в структуре правового познания [Текст] / А. И. Борисов // Современные проблемы юридической науки: материалы V Междунар. науч. практ. конф. молодых исследователей. — Челябинск, 2009. — С. 71–75.

14. Борисов, А. И. Единство деятельностной и аксиологической стратегий в исследовании юридического познания [Текст] / А. И. Борисов // Методология частного права: Современное состояние и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Киев, 2009. — С. 98–105.

Подписано в печать 21.05.2009 г.

Формат 64х80/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,4.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1187.

Издательский центр
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673674